

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-296-306>

УДК 82-6

ББК 83.3(2Рос=Рус)53

Обзорная статья / Review Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. С.В. Федотова

г. Москва, Россия

**«ПОЗНАНИЕ ПОЗНАННОГО»:
ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ «АНТИНОМИЧНОСТЬ ПОЭТИКИ РУС-
СКОГО МОДЕРНИЗМА И СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА»
(20–21 НОЯБРЯ 2025 Г., МОСКВА)**

Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского
научного фонда № 241800248, URL: <https://rscf.ru/project/241800248/>

Ключевые слова: антиномии, поэтика, модернизм, символизм, философия языка, М.Л. Гаспаров, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев, Л.А. Гоготишвили, школа теоретической поэтики, постструктурализм, рецепция, гуманитарная наука.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, доцент, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: luica-th@yandex.ru

Дата поступления: 19.12.2025

Дата одобрения рецензентами: 01.03.2026

Дата публикации: 25.03.2026

Для цитирования: Федотова С.В. «Познание познанного»: обзор международной конференции «Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная наука» (20–21 ноября 2025 г., Москва) // Вестник славянских культур. 2026. Т. 79. С. 296–306. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-296-306>

Задача науки филологии, согласно известному определению Августа Бёка, состоит в «познании познанного» (“Erkenntnis des Erkannten”). За этой тавтологичной формулировкой кроется целая теория, постулирующая тесную взаимосвязь филологии и философии в процессе познания того, что уже было создано человеческим духом [3, с. 33]. Г.Г. Шпет, часто прибегавший к этой формуле, видел в ней «указание и на статическую неполноту познаваемого, и на динамическую полноту познания, и на диалектическое преодоление их противоречия в познании познанного» [4, с. 38–39]. Современная гуманитарная наука с этой точки зрения представляет новый этап проблематизации размышлений об уже изученных предметах, которые каждый раз заново переосмысляются в столкновении антиномий статики и динамики познания, порождающем новые смыслы.

Одним из таких «познано-познаваемых» объектов гуманитарной мысли является сложный и противоречивый феномен русского модернизма. Существует обширная научная литература, посвященная этой эпохе в целом и ее отдельным представителям в частности, но многие вопросы остаются нерешенными или же запутанными, что проблематизирует саму рецепцию модернизма в современном научном дискурсе. Одной из знаменательных ступеней на пути многостороннего освоения материала стала международная конференция «Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная наука», прошедшая в Институте мировой литературы РАН в конце ноября 2025 г. и объединившая интересы более 50 российских и зарубежных исследователей. В название конференции включено заглавие известной статьи М.Л. Гаспарова, где специфика модернистской поэтики впервые была определена через понятие антиномичности¹. Выдвинутый ученым формально-стилистический подход к данной проблематике реализован исключительно на материале поэзии, т. е. в соответствии с классическим пониманием термина «поэтика». Вместе с тем очевидно, что антиномический принцип модернистского дискурса проявлялся не только в поэзии, но и в прозе, в философско-эстетических и метапоэтических теориях (от символистских до авангардистских). Художники, философы, теоретики литературы и искусства настойчиво выдвигали на первый план антиномии бытия, сознания и языка (рационального и интуитивного, духовного и телесного, языческого и христианского, дионисийского и аполлонического, этического и эстетического, индивидуального и всеобщего, мужского и женского, языка и реальности, формы и содержания, факта и смысла, знака и символа и т. д. и т. п.).

Особая роль в формировании антиномичного самосознания эпохи принадлежала символизму, в рамках которого дискутировались различные теории символа — от формально-поэтических до религиозно-философских, мистических и мифологических. Дискуссии между символистами о природе и функции поэтического языка, специфике и назначении литературы и искусства оказали воздействие не только на дальнейшее теоретическое самоопределение постсимволистских школ (акмеистов, футуристов и др.), но и на отечественную философию языка в лице П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина и др. Наследие этих философов стало актуальным для нашей культуры только в последние десятилетия XX в., когда изменились мировоззренческие и научные парадигмы. В это время изучение литературного модернизма шло параллельно с освоением религиозно-философской мысли, тесно связанной с символизмом, что продуцировало появление различных научных подходов к осознанию феномена «серебряного века» во всей его многосложности и разноречивости.

В силу этого для обсуждения предлагался круг вопросов, включавший как тематические и теоретико-методологические аспекты антиномизма, определяющие своеобразие модернистских текстов в целом, так и «поэтику противоречий» в качестве объекта и инструмента анализа произведений словесного искусства, в том числе проблемы антиномичности авторского сознания, образа /голоса лирического героя, особенностей эстетической коммуникации, художественной формы и жанровых модификаций, и т. д. Особое же внимание уделялось проблеме рецепции антиномичности модернизма в гуманитарной мысли последних десятилетий, значительной роли М.М. Бахтина

¹ По мнению Гаспарова, противоречия и противостояния в модернизме объясняются тем фактом, что русская поэзия начала XX в., развиваясь ускоренным темпом и постоянно догоняя западную, совместила в себе достижения двух эпох в европейской поэзии XIX в., «Парнаса» и символизма [1, с. 286].

и А.Ф. Лосева, а также их последователей и исследователей в переосмыслении символизма и — шире — модернизма в модусе «познания познанного».

Широкий спектр тематики, обсуждавшейся на конференции, схематично можно разделить на два магистральных направления. К первому относятся доклады, сфокусированные на теоретико-методологической рефлексии об «антиномической поэтике» модернизма (как в узком, так в широком смысле) в полемическом научном контексте второй половины XX в. Ко второму — выступления, представляющие собой, скажем так, сегодняшние опыты имманентного анализа произведений или творчества конкретных художников в ракурсе антиномизма и «поэтики противоречий», без заострения аспектов рецепции и апелляции к теоретико-методологическим конструктам.

1.

Характеристику первого направления следует начать с концептуального выступления *В.И. Тюны* (Москва) с несколько провокативным названием «Лебедь, рак и щука русского модернизма», в котором модернистская эпоха была представлена не с гаспаровских позиций, а с точки зрения Бахтина. Культура рубежа веков осмыслялась как взрывоподобный кризис классической эстетической доминанты, резко сменившейся тремя разнонаправленными типами ментальности (релятивизмом, пантеизмом и персонализмом). Противоборством между этими моделями объяснялось и многообразие художественных практик модернистов, и антиномичные векторы дальнейшего развития отечественной литературы.

В докладе *С.В. Федотовой* (Москва) «Русский символизм и антиномии *непрямого говорения* в интерпретации Людмилы Гоготишвили» была представлена современная теория — «феноменология непрямого говорения», автор которой обосновал генетическое родство между «антиномическим принципом в поэзии» и теорией символа и мифа Вяч. Иванова, концепцией диалогизма и двуголосого слова у М.М. Бахтина, философии имени А.Ф. Лосева [2]. Все они, по Гоготишвили, разрабатывали оригинальные (антирелятивистские) стратегии и механизмы непрямого (небуквального) выражения смысла в языке. Идеи Гоготишвили имеют эвристический потенциал не только для изучения поэзии, художественной и философской прозы модернистов, но и для анализа научного метаязыка их описания.

Е.А. Андрущенко (Москва) подошла к вопросу об «антиномической поэтике» Д.С. Мережковского с точки зрения антиномий художественной речи в свете бахтинской концепции чужого слова (цитации, стилизации). На примере «Дневников» в третьей части романа «Антихрист. Петр и Алексей» было продемонстрировано, что писатель, прибегая к стилизации эгодокументов эпохи, сознательно инкорпорировал в исторические источники мировоззренческие антиномии, символизирующие глубинные противоречия между Петром и Алексеем, трансформируя при этом чужое слово в монологическом регистре.

Польская исследовательница *Л.Ф. Луцевич* (Варшава), отталкиваясь от бахтинской концепции диалогичности и антиномичности самосознания как отношения Я и Другого, всесторонне проанализировала антиномии модернистской саморефлексии в личном дневнике З.Н. Гиппиус, определяющие его заголовочный комплекс, гибридные жанровые формы (документальность/художественность), противоречивое единство экспериментально-исповедальных, экзистенциально-персоналистических, соматическо-психологических и др. полярностей в актах интроспективного самонаблюдения/самолюбования.

Е.К. Созина (Екатеринбург) актуализировала бахтинскую антиномию «Я» и «Другого», рассмотрев ее в контексте философской эстетики Бахтина, а также влияния на нее поэтических открытий И. Анненского и Вяч. Иванова, что нашло отражение в лекциях о двух поэтах (1920 гг.) и поздних записях философа. В докладе *А.М. Насуевой* (Москва) «Антиномии эстетической коммуникации в символистской лирике (на примере творчества А. Блока)» предпринята попытка оспорить бахтинский тезис о монологичности лирики. Коммуникативный потенциал символистского текста, как это продемонстрировала докладчица, раскрывается в антиномичности лирического субъекта поэтической речи и в суггестивности лирики, создающей условия для соучастия читателя в творческом процессе. Предметом изучения *С.С. Воронцовой* (Москва) стал инструментарий современной теоретической поэтики, представители которой также стремились скорректировать позицию М. Бахтина в отношении лирики, применяя к анализу последней его же идеи о диалогичности речевого высказывания любого жанра, в том числе романа. Для адекватного рассмотрения «антиномической поэтики» символистов в ракурсе жанрового анализа их поэтических книг большое значение, по мнению исследователя, имеют категория «внутренней меры жанра», предложенная Н.Д. Тмарченко; концепция С.Н. Бройтмана о диалогической и неосинкретической специфике субъектной структуры неклассической лирики, а также идеи М.Н. Дарвина, связанные с феноменом циклизации в символистских книгах стихов, который можно описать через ряд структурных антиномий (целого и части, «первичных» и «вторичных целостностей» и др.).

Проблеме рецепции бахтинских теорий в лингвофилософии Л.А. Гоготишвили были посвящены доклады *Л.В. Иванович* (Калининград) «Антиномичность понятия речевого жанра: от М. Бахтина к Л. Гоготишвили» и *А.А. Аполинарлова* (Самара) «Антиномия коммуникативных позиций “говорящего” и “слушающего” в концепциях М.М. Бахтина и Л.А. Гоготишвили». В первом случае подчеркивалось, что Гоготишвили стремилась систематизировать и адаптировать к современной лингвистике не вполне четкие и, по сути, противоречивые жанрообразующие критерии у Бахтина; во втором — анализировалась предпринятая ею коммуникативная интерпретация таких бахтинских концептов, как «ответственный поступок», «диалог», «двуголосое слово», «непрямое говорение», основанных на антиномии «говорящего» и «слушающего».

Сопоставление философских подходов С.С. Хоружего, В.В. Библихина и Л.А. Гоготишвили к исследованию русского символизма было предпринято в докладе *А.А. Гравина* (Москва), который сфокусировал внимание на разных прочтениях учения о символе П.А. Флоренского. Все заглавные философы признавали, что конститутивной чертой символа является антиномичность, однако оценивали ее по-разному: Хоружий и Библихин — критически, понимая символ субстанционально; Гоготишвили же, напротив, предложила альтернативную, энергично-коммуникативную трактовку, связав концепции Флоренского с антиномическим символизмом Вяч. Иванова и А.Ф. Лосева. В продолжение этих выводов, хотя и в несколько дискуссионном плане, прозвучали положения *Андреа Отто* (Кальяри, Италия) о сходстве и различиях символа у Иванова и Флоренского. Определение символа было заимствовано Флоренским у поэта-теоретика, и до определенного момента между ними не было различий: под символом понималось антиномическое место реальности, где реальность оказывается больше самой себя. Точкой расхождения стало знакомство Флоренского с учением Григория Паламы, которое привело его — в русле философии имяславия — к отождествлению имени Божия с «символом символов», т. е. с фундаментальной антиномией всей реальности.

С философией имени, самобытной религиозно-философской традицией в отечественной культуре эпохи модернизма, неразрывно связано имя А.Ф. Лосева, ему было посвящено несколько сообщений. *Е.А. Тахо-Годи* (Москва) в докладе «Поэтика антиномий в “Очерке о музыке” А.Ф. Лосева 1919–1921 гг.» продемонстрировала, что антиномико-синтетический метод философа имеет точки пересечения с символистской «антиномической поэтикой». Особенно явно это обнаруживается в раннем «Очерке о музыке», где содержатся не только открытая апология антиномизму как продуктивному способу мысли, но и характерные черты «поэтики противоречий» в структуре самого текста. *Л.А. Соломеина* (Санкт-Петербург) проследила соотношения формально-логического и диалектического способов выявления сущности в работе Лосева «Самое само» и показала неизбежно возникающие на этом пути антиномии и способы их разрешения. *И.В. Кузнецов* (Новосибирск) выдвинул идею о том, что диалектика Лосева может лечь в основу литературоведческой методологии, имея в виду диалектическое конструирование предмета по принципу тетрактиды, соединяющему антиномии «одного» и «иного», «подвижности» и «покоя», «тождества» и «различия». Лосевский метод, полагает докладчик, позволит научно сконструировать модель как литературного произведения, так и литературной эволюции. Другой аспект был затронут в докладе молодого исследователя *А.С. Апалькова* (Москва), предпринявшего попытку проанализировать идейные параллели в учении о структурном строении и сущности человеческого слова в учении А.А. Потебни и в философии имени Лосева. Любопытные пересечения между антиномиями онтологического доказательства у Карла Барта и позицией русского имяславия были выявлены *Т.Н. Резвых* (Москва).

Свое решение вопроса о влиянии Потебни на русский символизм предложил *А.В. Марков* (Москва), подчеркнувший аналогию между противоречивым потебнианством В. Брюсова и А. Белого, с одной стороны, и постструктуралистской текстуальной игрой — с другой. Согласно этой точке зрения, символисты одновременно стремились опереться на теорию Потебни и превзойти ее, интуитивно нащупав зыбкость границы между антиномией «внутренней формы» как гаранта смысла и «материей» языка как поля бесконечной игры и дифференциации. В таком ракурсе русский символизм рассматривался не только как объект для постструктуралистского анализа, но и как уникальная лаборатория, где в зародышевой форме вызревали многие идеи, радикализованные последующей философской мыслью XX в.

Научная рефлексия о символизме в исследованиях последних десятилетий была представлена в докладах *Ю.Ю. Анохиной* (Москва) и *Н.А. Дровалёвой* (Москва). В первом предпринималось сопоставление двух герменевтических подходов к осмыслению антиномизма Вяч. Иванова, принадлежащих С.С. Аверинцеву и Р. Бёрду. Оба авторитетных специалиста по творчеству поэта говорили о внутренней контрастивности его поэтики, но истолковывали ее по-разному: Аверинцев усматривал в ней антиномию и синтез разных культурных парадигм (прежде всего античной и христианской); Бёрд же считал, что базовую категорию символа в ивановской эстетике можно прояснить антиномичными ключевыми понятиями «аспект», «проекция» и «печать». Автор второго, отталкиваясь от основных положений все той же статьи Гаспарова, признала их продуктивность при анализе антиномии вымысла и истины в романах В.Я. Брюсова «Огненный ангел», «Алтарь Победы» и «Юпитер поверженный».

Доклад *Ю.Б. Орлицкого* (Москва) «От гексаметра и сонета до свободного стиха: антиномические версификационные стратегии русского поэтического авангарда» также развивал гаспаровскую идею о противоборстве в модернизме двух антитетичных

поэтик. В таком ракурсе прослеживалось, как индивидуальные поэтические практики (от символизма до авангардизма) совмещали в себе, с одной стороны, эксплуатацию разнообразных неоклассических техник, стилизацию поэтики античности, средневековья и Возрождения (особенно в области строфики), с другой — ориентацию на метрическую экзотику самого различного генезиса.

Завершают первую часть обзора три выступления, нацеленные на обоснование взаимосвязи антиномичности мышления Вяч. Иванова и излюбленной им формы сонета. Они интересны не только тематическими переключками, но и теоретико-методологической дискуссионностью. Доклады *О.И. Федотова* (Москва) «О мгновенной вечности Вяч. Иванова (сонет “На миг”»)» и *А.А. Земцовской* (Москва) «О неразрешимых антиномиях и утопических проектах космизма в “Венке сонетов” Вяч. Иванова (1909 г.)», отправляясь от статьи Гаспарова, подключали и концепцию Л.А. Гоготишвили об антиномическом принципе в поэзии *Вячеслава Великоленного*, в частности, задействовали ее идею о том, что «лингвистической базой» ивановского символизма являются синтаксические антиномические конструкции и семантическая игра с антонимами. Это любопытное решение, особенно если учитывать, что подходы Гаспарова и Гоготишвили во многом противоположны и по предмету, и по техникам анализа, и по конечным результатам. Доклад же *Л.В. Маштаковой* (Тайбэй, Тайвань, Екатеринбург) «Кризис до кризиса: о двух ранних сонетах В. Брюсова и Вяч. Иванова» акцентировал внимание на том факте, что Гаспаров противопоставил поэтики В. Брюсова и Вяч. Иванова, отдавая явное предпочтение первому, чем побудил к дискуссии С.С. Аверинцева, ставшего в оппозицию. Опираясь на наблюдения Д.М. Магомедовой о том, что полемика между Гаспаровым и Аверинцевым точно воспроизводит теоретические разногласия между двумя мэтрами символизма, докладчица обнаружила, что антитетичные тенденции в обращении с поэтическим словом просматриваются еще до знакомства поэтов, подтверждением чему стал сравнительный анализ двух сонетов («Львица среди развалин» Брюсова (1895) и «“Вечеря” Леонардо» Иванова (1892)), явно перекликающихся и противоположных друг другу.

2.

Как уже говорилось, значительная часть участников конференции, не заостряя внимания ни на подходах предшественников, ни на их полемической подоплеке, сосредотачивалась или на магистральных темах модернизма, или же непосредственно на художественных, философско-публицистических и литературно-критических текстах модернистов, проанализированных с точки зрения антиномичности их поэтики/письма. Этот раздел целесообразно представить не в логическом порядке, а в хронологическом, отчасти возвращаясь к уже прозвучавшим именам и добавляя к ним новые.

Сквозные для русского модернизма проблемы прозвучали в трех докладах. *Ю.Д. Артамонова* (Москва) поставила вопрос: «Выполнимы ли требования “эстетики гения”?»», имея в виду значение Канта в философско-эстетических исканиях эпохи и влияние его антиномий познающего разума и воззрений на синтетическую роль гения, способного разрешить неразрешимые противоречия между чувственностью, рассудком и чистым разумом. *С.В. Герасимова* (Москва) в сообщении «Хтонические истоки Аполлона и Диониса: от функциональной эквивалентности к культурной дистрибуции» рассуждала о не менее значимой для модернистов ницшеанской антиномии Диониса / Аполлона и прослеживала разные ее трактовки у Вяч. Иванова и А. Блока.

В докладе *А.В. Шаравина* (Брянск) «Мотив возвращенного Богу билета: от антиномий Ф.М. Достоевского к антиномиям символистов» речь шла о том, что антиномичность формулы Ивана Карамазова — билет как символ договора с Богом, который можно отвергнуть — продуцировала ее антиномические интерпретации в русском символизме. В рецепции Д. Мережковского, З. Гиппиус, А. Белого, Вяч. Иванова, А. Блока мотив обретает полифоническое звучание: это и протест против зла, и вызов Богу, и жест самоотрицания, и акт отчаянной честности, и инструмент самоидентификации, и код судьбы личности, не согласной на компромисс с гармонией, обусловленной слезинкой ребенка, и символ невозможности всеобщего примирения и единения.

Большой интерес представляли и выступления, посвященные индивидуальному творчеству модернистов (в монографическом или сопоставительном аспекте). Так, в докладе *Л.А. Цибизовой* (Москва) «В.В. Розанов: философия без философии, стиль без стиля» подчеркивался антиномизм одного из самых ярких и парадоксальных философов и публицистов России конца XIX — начала XX в. Модернистские взгляды Розанова на вопросы метафизики христианства, иудаизма и язычества, пола и семьи, интимно-личного, исповедального и имперсонально-общественного представляют собой внутренне противоречивую мировоззренческую целостность, отразившуюся в новом органическом «стиле без стиля». *О.Б. Панова* (Томск) рассмотрела ключевые антиномии мировоззрения, эпоса и художественного языка Л.Н. Толстого в философской интерпретации Розанова. Философ трактует Толстого как гения всемирного и вселенского значения уровня Конфуция, Леонардо да Винчи, Данте, Шекспира, Гёте, показывая, какое оригинальное воплощение в его религиозных исканиях и художественном мире нашли глубинные для культуры универсальные антиномии бытия и сознания — язычество и христианство, мудрость и гениальность, жизнь и смерть, духовное и плотское, добро и зло и др.

А.А. Холиков (Москва) раскрыл источниковедческий потенциал изучения «антиномической поэтики» литературно-критических выступлений Д.С. Мережковского «Тайна Некрасова» и «Тайна Тютчева», прослеживая, как изменялись тексты на разных этапах (от черновых автографов лекций — к газетным публикациям и отдельному изданию в составе «Двух тайн русской поэзии»). Текстологический анализ выводит на проблемы модернизации отечественной классики на рубеже XIX–XX вв. и моделирования писательской идентичности в сознании современников и потомков. По мнению докладчика, лавируя между эстетикой и политикой, Мережковский осовременивает личности и творчество двух поэтов для решения публицистических задач, а потому его литературная критика должна прочитываться в контексте всех общественно-политических высказываний мыслителя 1910 г. В докладе *Е.А. Осьминой* (Москва) сопоставлялась мифопоэтическая структура женских образов, восходящих к платоновой оппозиции Афродиты Урании (Небесной) и Афродиты Пандемос (Земной, Всенародной), в художественной прозе Мережковского, И.С. Шмелева и И.А. Бунина. Исследовательница пришла к выводу о том, что Шмелев наследует модернистским задачам Мережковского, в соответствии с которыми характеры героинь выстраиваются на антиномии небесного и земного; Бунин же развивает психологическую традицию русского реалистического романа (прежде всего Л.Н. Толстого). *М.С. Щавлинский* (Москва), напротив, подчеркнул, что уже в ранних травелогах Бунина происходит окончательный переход от доминировавшей ранее народнической поэтики к принципиально новой символистской образности. Пространство путешествия в этих текстах окончательно утрачивает функцию простого географического фона и превращается в антиномически напряжен-

ный символический ландшафт — поле интенсивных метафизических исканий, глубокой рефлексии о судьбе России и универсальной метафоры человеческого бытия.

Свежий взгляд на ивановскую интерпретацию трагического антиномизма Ф.М. Достоевского представил *Д.А. Жерноклеев* (Нашвилл, США). Известная дефиниция «роман-трагедия», определяющая своеобразие формы произведений и мирозерцания Достоевского, согласно гипотезе докладчика, является не данью Иванова античной традиции и не репликой в сторону Ницше, а полемически заостренной антитезой к концепции романа у Гегеля. Немецкий философ видел в романе не просто отражение антиномического столкновения героя и реальности, а его синтетическое преодоление в художественном целом. В этом смысле человеческие страдания у Гегеля диалектически «снимаются». Достоевский же, в трактовке Иванова, открыл самодовлеющее бытие страдания, выходящее за рамки морали. Страдание, красота и вера — три антиномических измерения мироощущения Достоевского, в каждом из которых, по убеждению Иванова, Достоевский достигает предела, прежде не освоенного христианской культурой.

А.Б. Шишкин (Рим, Италия) в докладе «Визуализация антиномичности Вяч. Иванова в прижизненных портретах» продемонстрировал работы отдельных художников (К.А. Сомова, А.С. Голубкиной, Н.П. Ульянова и его жены А.С. Глаголевой), пытавшихся уловить двойственный облик поэта-символиста, запомнившийся многим современникам. Все портретисты стремились запечатлеть в изображении Иванова противоречие между его чувственной, двусмысленно-змеиной полуулыбкой и пронзительно-острым, въедливо-умным взглядом. Отмеченная доминанта ивановской иконологии заставляет вспомнить положения Бродера Христиансена о том, что искусство портрета строится на двух основных антиномиях: во-первых, художник «оживляет» портрет с помощью создания смыслового напряжения между разным выражением глаз и рта портретируемого; во-вторых, в портрете соединяются черты внешнего сходства и метафизического содержания, т. е. раскрывается антиномия индивидуального и всеобщего [5, с. 281–289].

Венгерская исследовательница *М. Дьёндьёши* (Будапешт), детально проанализировав драму Блока «Роза и Крест», показала, что антиномичность пронизывает все уровни организации текста, начиная от заглавия произведения и характеристики его действующих лиц через ключевую формулу («Радость-Страданье») и песню Гаэтана до авторской концепции любви в целом. *Е.Л. Куранда* (Санкт-Петербург) в докладе «В.Г. Адмони: символизм Г. Ибсена и А. Блока с точки зрения “поэтики противоречий”» изложила содержание неопубликованной работы известного советского ученого, который рассматривал модернистскую поэтику Ибсена и Блока сквозь призму борьбы натурализма и реализма, с одной стороны, и с точки зрения антиномий эстетики европейского романтизма — с другой

В сообщении *М.В. Яковлева* (Московская обл.) «Апокалиптические антиномии в поэзии М.А. Волошина» обсуждалась устойчивая тенденция идейно-образного мышления поэта, близкого к символизму тяготевшего к антиномиям и парадоксам в восприятии человека, природы и социальной истории. В парном докладе *В.И. Щерова*, *В.В. Никульцевой* (Москва) «Игорь-Северянин & Андрей Белый: “поэтика противоречий”» выявлялось общее и различное между «объективным символизмом» первого и «субъективным эгофутуризмом» второго на примере рассмотрения антонимических тропов и фигур, занимающие ключевые позиции в поэтическом языке обоих поэтов.

Любопытный ракурс взгляда на акмеизм предложил *А.В. Филатов* (Москва), рассмотревший теоретическое самоопределение и художественную практику акмеи-

стов через антиномию мужского и женского. Согласно его остроумному предположению, гендерная оппозиция, первоначально выдвинутая на первый план, а затем снятая в программных статьях, была унаследована от символистов и инверсирована лидерами акмеизма. Если Вяч. Иванов видел в идеалистическом символизме мужское, инициативное начало, а в реалистическом — женское, рецептивное, отдавая ему несомненное предпочтение, то для Н.С. Гумилева и С.М. Городецкого, наоборот, идеалом выступает мужественность (стойкость), а женственность связывается с символизмом и оценивается негативно. В то же время, противореча самим себе, теоретики акмеизма говорили о женской версии адамизма, имея в виду поэзию Анны Ахматовой.

Показательный пример живучести «антиномической поэтики» символизма после распада школы продемонстрировала *Т.В. Игошева* (Санкт-Петербург). Ее доклад был посвящен малоизвестной поэме Вл. Гиппиуса «Лик человеческий» (1922), большая часть которой до сих пор остается неизданной. Парадоксальность этого произведения заключается в том, что, написанное в постсимволистскую эпоху, оно максимально воплощает в себе символистскую поэтику антитез и антиномий, антиномический стиль мышления поэта, феноменологию его творческих и духовных поисков в целом.

Оживленные дискуссии вызвал доклад *Л.А. Лучининой* (Калининград) «Метафоры русского авангарда: теоретический vs поэтический дискурс». В результате сопоставления теоретического и поэтического дискурса с точки зрения феномена метафоры было выявлено базовое противоречие в художественной практике русского авангарда: с одной стороны, метафора отрицается на уровне теории как «излишний» (архаичный) эстетический прием, с другой — именно она является ядром художественной практики авангардистов, выполняя функцию текстообразующего механизма.

Модернистский мирообраз и антиномичную эстетику (концепцию синтетизма и диалогического языка) Е.И. Замятина, определяющие своеобразие его художественной и нехудожественной прозы, *М.А. Хатямова* (Томск) связала с антиномичностью мышления писателя, выраженной в бинарных оппозициях внешней реальности и сознания, телесного /духовного, рационального / стихийного, мужского /женского и т.д. В докладе *Е.Н. Проскуриной* (Новосибирск), посвященном повести советского писателя Владимира Зазубрина «Щепка» (1923), также были выявлены черты символистской антиномической поэтики, особенно явные на уровне интертекстуального диалога с поэмой Блока «Двенадцать». По мнению докладчицы, об этом, свидетельствуют характерные детали: атмосфера ночи, улицы, ветра, чекистского разгула, коррелирующего с разгулом природной стихии, а также мозаичность образов, прерывистость ритма повествования, поэтика контрастов, прием контрапункта, густота тропов, гиперболизация образов, рельефно воспроизводящие диссонансную «музыку» красного террора.

Рефлексы модернистского антиномизма были прослежены в докладах молодых исследователей, посвященных творчеству С.С. Кржижановского. Если *К.И. Беляев*, *Е.П. Беляева* (Москва) заострили внимание на антиномичной природе быта как онтологической категории в философском и художественном восприятии писателя, то *Е.С. Апалькова* (Москва) смело сопоставила концепции Кржижановского и А. Рясова, современного автора, звукорежиссера и музыканта, которые, с ее точки зрения, оказываются чрезвычайно близкими в ракурсе антиномии слова и молчания, добавим от себя, важнейшей для символистов, апеллирующих как минимум к тютчевскому «Silentium!»).

В.А. Кузьмина (Москва) выявила роль антиномии «христианское» и «эллинское» в одной из лучших книг Г.В. Адамовича «Комментарии» (1967). «Преодолевший» не только символизм, но и акмеизм, Адамович желал культурного синтеза «христиан-

ского» (чудесного и необъятного) и «эллинского» (правдивого и гармоничного) начал, но не верил в него. Это противоречие повлияло на зрелое творчество поэта и критика.

Завершают наш обзор два доклада, по тематике захватывающие рубеж XX–XXI в.: «Антиномия традиции и новации в русском поэтическом модернизме и проблема (пост-)» М.М. Бешимова (Санкт-Петербург) и «Сюжет писательства в романах “Отчаяние” В. Набокова и “Каменные клены” Л. Элтанг в контексте тем и мотивов модернизма / неомодернизма» Е.А. Полевой (Томск). В первом из них были проблематизированы положения той же статьи Гаспарова: ключевой для поэзии модернизма принцип инновативности рассмотрен в перспективе смены течений и возникновения (пост) модернистской поэзии в 1970–1980 гг. Во втором исследовалось сходство мотивов (преступления, создания текста о преступлении, поиска идеального читателя, двойничества и др.) и различие авторских установок в романах Набокова и Элтанг, при том, что оба писателя художественно переосмыслиют символистскую, антиномическую по своей сути идею жизнотворчества и проблему взаимодействия реальности и текста.

Прошедшее мероприятия стало подлинным научным событием. Об этом говорит и высокий уровень представленных докладов, и неформальная увлеченность участников конференции предложенной тематикой, и новые результаты исследования русского модернизма, открывающие дальнейшие перспективы «познания познанного».

Список литературы

Исследования

- 1 Гаспаров М.Л. Антиномичность поэтики русского модернизма // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 286–304.
- 2 Гоготшивили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
- 3 Тротман-Валлер С. Филология вещей или филология слов? История одного спора и его сегодняшние продолжения / пер. С. Козлова // Новое литературное обозрение. 2009. № 2 (96). С. 28–41.
- 4 Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта. 3-е изд. М.: КомКнига, 2006. 216 с.
- 5 Христиансен Б. Философия искусства. СПб.: Шиповник, 1911. 289 с.

© 2026. Svetlana V. Fedotova
Moscow, Russian

**“THE COGNITION OF THE KNOWN”:
a Review of the International Conference “The Antinomy of the Poetics
of Russian Modernism and Contemporary Humanitarian Science”
(November 20–21, 2025, Moscow)**

Acknowledgements: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, with a support grant from the Russian Science Foundation (RSF, project No. 24-18-00248, Available at: <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>).

Keywords: antinomies, poetics, modernism, Symbolism, philosophy of language, M.L. Gasparov, M.M. Bakhtin, A.F. Losev, S.S. Averintsev, L.A. Gogotishvili, school of theoretical poetics, poststructuralism, reception, humanities.

Information about author: Svetlana V. Fedotova — DSc in Philology, Assistant Professor, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bldg. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000000299914966>

Email: luciath@yandex.ru

Received: December 19, 2025

Approved after reviewing: March 1, 2026

Date of publication: March 25, 2026

For citation: Fedotova, S.V. “‘The Cognition of the Known’: A Review of the International Conference “The Antinomy of Russian Modernism Poetics and Contemporary Humanitarian Science” (November 20–21, 2025, Moscow).” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 79, 2026, pp. 296–306. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-79-296-306>

References

- 1 Gasparov, M.L. “Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma” [“The Antinomy of the Poetics of Russian Modernism”]. *Gasparov, M.L. Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1995, pp. 286–304. (In Russ.)
- 2 Gogotishvili, L.A. *Nepriamoe govorenie* [Indirect Speaking]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur' Publ., 2006. 720 p. (In Russ.)
- 3 Trotman-Vallerm, S. “Filologiya veshchei ili filologiya slov? Istoriia odnogo spora i ego segodniashnie prodolzheniia” [“Philology of Things or Philology of Words? The History of a Debate and Its Continuation Today”], trans. by S. Kozlov. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (96), 2009, pp. 28–41. (In Russ.)
- 4 Shpet, G.G. *Vnutrenniaia forma slova: Etiudy i variatsii na temy Gumbolda* [Internal form of the Word: Studies and Variations on Themes of Humboldt]. 3rd ed. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 216 p. (In Russ.)
- 5 Khristiansen, B. *Filosofia iskusstva* [Philosophy of Art]. St. Petersburg, Shipovnik Publ., 1911. 289 p. (In Russ.)